

Герман Мелвилл

Бенито Серено

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М47

М47 **Мелвилл Г.**
Бенито Серено / Герман Мелвилл – М.: Книга по Требованию, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2922-3

О "Бенито Серено" по-прежнему идут споры. Одни считают его лучшей вещью Мелвилла и одной из лучших вещей в мировой литературе... Иные же убеждены, что Мелвилл оставил нам заведомо непостижимый текст как верный символ непостижимости всего нашего мира".

Х.Л.Борхес

ISBN 978-5-4241-2922-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Герман Мелвилл
Бенито Серено

В исходе зимы 1799 года капитан Амаза Делано из Даксбери, штат Массачусетс, командующий большой зверобойной и торговой шхуной с ценным грузом на борту, бросил якорь в бухте Святой Марии, пустынного необитаемого островка у южной оконечности протяженного чилийского побережья, имея целью пополнить свои запасы пресной воды.

На рассвете следующего дня, когда он еще лежал у себя на койке, в каюту спустился вахтенный помощник с известием о том, что у входа в бухту показался парус. Суда в тех водах были тогда редкостью. Капитан встал, оделся и вышел на палубу.

Утро было такое, какие можно наблюдать только у южных берегов Чили. Все вокруг было недвижно и немо, все залито слабым серым светом. По глади моря шли длинные валы, но все равно она казалась застывшей и тускло блестела, словно свинец, затвердевший в отливке. Небо нависало над самой водой, точно серый занавес. То тут, то там серые стаи потревоженных морских птиц низко взлетали над волнами, во всем подобные серым ключьям утреннего тумана, среди которых они пронеслись, как ласточки над лугом перед непогодой. Летучие тени, предвестия других сгущающихся теней.

К удивлению капитана Делано, никакого флага на незнакомце в подозрную трубу обнаружить не удалось, а ведь показывать свой флаг при входе в бухту, где стоит еще хотя бы один корабль, пусть даже берега ее совсем пустынные, было в обычае у мирных мореходов всех наций. О тех безлюдных и безвластных водах ходили самые зловещие рассказы, и удивление капитана Делано легко могло бы перейти в беспокорство, когда бы не его на редкость добрый характер, чуждый всякой недоверчивости, так что без самых исключительных, настоятельных причин он не способен был питать подозрения, предполагающие коварство в натуре человека. В свете всего, на что способен род человеческий, можно ли считать такое свойство свидетельством не только чистого сердца, но также и пронизательного ума, об этом мы предоставляем судить умудренному читателю.

Но если бы даже у него и возникли опасения, он, как всякий моряк, все равно забыл бы о них, видя, что неизвестное судно проделывает опасный маневр, взяв слишком круто к берегу, прямо туда, где тянулся скрытый подводный риф. Видно, со здешними местами оно было знакомо столь же мало, как и со шхуной капитана Делано, и, следовательно, не могло принадлежать местным пиратам. Капитан Делано продолжал разглядывать незнакомца, хотя бегущие ключья тумана то и дело затягивали его корпус и сквозь серую пелену двусмысленно поблескивал огонь в верхнем иллюминаторе, подобный солнцу, которое, как раз в это время показавшись из-за горизонта, вместе с кораблем входило в бухту и выглядывало сквозь ту же кисею низких облаков, как коварная красавица на широкой площади Лимы, сверкающая одним глазом сквозь узкую амбразуру в своей темной мантилье.

И то ли от игры тающего тумана, трудно сказать, но чем дольше они наблюдали за незнакомцем, тем загадочнее представлялись им его маневры. Скоро уже совсем невозможно стало определить, хочет ли он войти в бухту или нет и каковы вообще его намерения. Поднявшийся было к рассвету береговой ветер почти совсем сник, и судно словно топталось на месте в полнейшей нерешительности.

В конце концов капитан Делано заключил, что незнакомец терпит бедствие, приказал спустить шлюпку и, не слушая возражений своего помощника, решил-

ся лично отправиться на чужое судно, чтобы по крайней мере ввести его в бухту. Накануне ночью партия матросов его шхуны ходила на шлюпке ловить рыбу у отдаленного рифа и вернулась за два часа до рассвета с богатым уловом. Капитан Делано погрузил в вельбот несколько корзин со свежей рыбой в подарок бедствующему незнакомцу. Незвестный корабль все еще держал курс на опасный подводный риф, и капитан Делано, дабы отвлечь опасность, приказал своим матросам грести что есть силы, желая вовремя предостеречь его экипаж. Но не успели еще они подойти на достаточное расстояние, как ветер, хотя по-прежнему очень слабый, начал заходить и слегка отклонил судно с гибельного курса, одновременно развеяв немного окутывавший его туман.

Теперь, вблизи, вдруг открывшийся взгляду корпус корабля, вздымаемый свинцовыми валами и опоясанный последними ключьями тумана, еще струящегося по его бокам, казался похож на белостенный монастырь среди серых пиренейских круч, после того как над ними пронеслась грозная буря. Сходство это не было мнимым, и не досужая игра ума заставила капитана Делано вообразить, будто перед ним — транспорт, доверху груженный святыми монахами. Из-за борта на него действительно глядели какие-то люди, словно бы в черных капюшонах, и в иллюминаторах мелькали смутные темные фигуры, наподобие черных монахов, прогуливающих по монастырским галереям.

Еще несколько саженей — и все встало на свои места: это был не плавучий монастырь, а испанское купеческое судно первого класса, везшее из одного колониального порта в другой, помимо прочего ценного груза, партию чернокожих рабов. Большой и в свое время роскошный фрегат, какие тогда еще попадались у берегов Южноамериканского континента, — в прежние времена они служили для вывоза сокровищ Акапулько или входили в состав военного флота испанского короля и, подобно устаревшим итальянским палаццо, хотя владельцы их и впали в ничтожество, долго еще сохраняли черты былого величия.

Чем ближе подходил вельбот к испанцу, тем понятнее становилось, почему он представлялся взгляду таким убеленным. Причиной этому было царившее на судне полнейшее запустение. Реи, снасти и борта казались лохматыми, так как давно не знали со скребком, дегтем и шваброй. Можно было подумать, что этот фрегат был заложен, выстроен и спущен со стапелей еще в ветхозаветной Долине Сухих Костей пророка Иезекииля.

Приспосабливая для теперешнего занятия, его почти не переоснастили, и корпус его и такелаж сохранили изначальный воинственный средневековый облик. Пушек, впрочем, видно не было.

На его мачтах были большие марсовые площадки, обнесенные фигурной сеткой, ныне изодранной и разлезшейся ключьями. Они нависали над палубой, точно растрепанные птичьи гнезда, и на одном марсе действительно сидела, клюя носом, понурая белая птица, какие называются «глупышами» за сонный, вялый нрав — их нередко ловят в море прямо руками. Возвышенный нос фрегата, проломанный и разбитый, напоминал старинную башню, взятую некогда вражеским штурмом и с тех пор обращенную в руины. На высокой корме виднелись два балкона, перила которых здесь и там зеленели сухими мшистыми наростами; на них выходили иллюминаторы заброшенного пассажирского салона, наглухо задраенные и законопаченные, несмотря на тихую погоду, — эти необитаемые галереи высились над волнами, точно балюстрады венецианских дворцов над

водами Большого канала. Но главным знаком прежнего великолепия был большой овальный щит на борту у кормы, украшенный замысловатым резным гербом Кастилии и Леона и окруженный медальонами со сказочными и символическими фигурами — наверху в центре был изображен сатир в маске, попирающий копытом простертого врага, чье лицо было также скрыто маской.

Имелась ли у испанца носовая фигура или же простой голый форштвень, определить было невозможно, так как эту часть корпуса окутывал кусок брезента — то ли для того, чтобы защитить от непогоды во время ремонтных работ, то ли затем, чтобы не оскорблять взоров видом плачевного разрушения. Снизу изпод брезента вдоль своего рода дощатого постамента шла грубо, словно на потеху, намалеванная белилами или начертанная мелом надпись: «Следуй за мной»; а рядом на почерневшей обшивке борта крупными буквами значилось: «Сан-Доминик» — название корабля; буквы, его составляющие, были некогда золотыми, а ныне растеклись медной ржавчиной, и слизистые гирлянды водорослей скрывали их, траурно покачиваясь с каждым наклоном корпуса.

Но вот наконец шлюпку крючьями провели с носа к трапу, спущенному со шкафута, и хотя между нею и бортом корабля еще оставался некоторый зазор, киль ее заскрежетал, словно по коралловому рифу: ниже ватерлинии на корпусе испанца огромным торчащим наростом налипли полипы и моллюски — свидетельство тому, что судно долго штилевало и штормовало в открытом море.

На палубе американского капитана сразу же обступила шумная толпа белых и негров, и черные превосходили числом белых более значительно, чем это можно было ожидать даже на работарговом судне. Но все они в один голос, одними словами принялись излагать ему печальную повесть их общих страданий, и с особой страстью звучали жалобы женщин, которых там было немало. Цинга и лихорадка унесли многих из их числа, главным образом испанцев. У мыса Горн они едва не потерпели кораблекрушение, потом много дней дрейфовали среди полнейшего безветрия. Запасы провизии у них на исходе; вода почти кончилась; губы у всех рассказчиков запеклись и потрескались.

Все эти взволнованные речи обрушились на капитана Делано, а он между тем одним взволнованным взором обвел окружившие его лица и палубу испанского фрегата.

Когда в море всходишь на борт чужого корабля, в особенности иностранного, со смешанной командой полинезийцев или азиатов, впечатление бывает такое же, как при посещении незнакомого дома в чужом краю: и дом, и корабль, один за высокими стенами и ставнями, другой — за крепостными валами бортов, до последней минуты скрывают от взгляда то, что находится внутри; только среди пустынного океана, когда внезапно и полно разворачивается живая картина его внутренней жизни, в ней оказывается что-то колдовское. Весь корабль представляется как бы нереальным, люди в странных одеяниях, в странных позах, со странным выражением лиц, кажутся лишь тенями, сейчас только вышедшими со дна морского, куда им через мгновение предстоит снова кануть.

Быть может, нечто в подобном роде испытал и капитан Делано, и тем страннее показалось ему здесь все то, что и совершенно равнодушному взгляду не могло бы не представиться заслуживающим удивления. Прежде всего ему бросились в глаза четыре престарелых негра с убеленными сединой, курчавыми, точно верхушки берез, головами. Величаво возвышаясь над шумом и суетой, царившими

на палубе, они, точно сфинксы, недвижно возлежали друг против друга на крамболах и на противоположных планширах над грота-русленями, и каждый держал в руке старый конец и со стоическим спокойствием щипал паклю, складывая ее кучкой у себя под боком. Свою работу они сопровождали нескончаемым, тихим монотонным гудением, точно четыре седовласых волынщика, играющие похоронный марш.

На краю юта, обращенные к шканцам, но вознесенные, как и щипальщики пакли, футов на восемь над сутолокой палубы, на равных расстояниях один от другого сидели, скрестив ноги, еще шестеро чернокожих, и каждый держал по заржавленному топору, начищая его, точно кухонный мужик, с помощью кирпича и тряпки; в промежутках между ними лежали, дожидаясь своей очереди, целые стопки ржавых топоров. Четверо щипальщиков пакли время от времени еще обращались с короткими репликами к кому-нибудь из находящихся внизу, но шесть точильщиков сидели совершенно безмолвно, не переговариваясь ни с другими, ни даже между собой, и прилежно делали свое дело, лишь по временам, со свойственной неграм склонностью сочетать работу и игру, оборачивались попарно друг к другу и сталкивали в воздухе ржавые лезвия, точно ударяя в литавры, подымая при этом варварский звон. Эти шестеро, в отличие от остальных, имели дикарский африканский облик. Но первый взгляд, которым капитан обвел палубу, задержался на этих десяти фигурах не более одного мгновения, нетерпеливо разыскивая в разноголосой сумятице того, кто бы командовал кораблем.

Словно решившись предоставить природе самой говорить за себя картиной страданий его подопечных или же просто пав духом от собственного бессилия, испанский капитан, с виду довольно молодой человек благородного облика, в богатом и пышном наряде, но с очевидными следами недавних бессонных забот и тревожностей на лице, недвижно стоял в отдалении, прислонившись спиной к грот-мачте, то хмуро и отрешенно взглядывая на своих взбудораженных людей, то бросая тоскливый взор на гостя. Подле него стоял низкорослый негр и то и дело, точно верный пес, заглядывал в глаза хозяину со смешанным выражением преданности и печали на грубом черном лице.

Растволкав толпу, американец приблизился к испанцу, чтобы высказать ему сочувствие и предложить посильную помощь. В ответ тот ограничился лишь церемонным и сумрачным выражением признательности, и даже традиционная испанская учтивость приобрела у него болезненный, хмурый оттенок.

Не растрчивая более времени на любезности, капитан Делано возвратился к трапу и велел поднять на палубу привезенные им корзины с рыбой, а затем, так как ветер был по-прежнему слаб и немало времени должно было еще пройти, прежде чем испанец сможет стать на якорь, он приказал своим матросам возвратиться на шхуну и привезти пресной воды, сколько возьмет шлюпка, свежего хлеба, какой найдется у стюарда, весь оставшийся на борту запас тыкв, ящик сахара, а заодно и дюжину бутылок сидра из личных капитанских запасов.

Шлюпка отвалила, а еще через несколько минут, ко всеобщей досаде, ветер и вовсе стих, и начавшийся отлив повлек беспомощное судно обратно в открытое море. Зная, что это беда временная, капитан Делано попытался ободрить испанцев; он не раз плавал в испанских колониальных водах и теперь радовался, что может вполне сносно беседовать с этими несчастными на их родном языке.

Оставшись один среди них, он вскоре опять стал замечать вокруг какие-то странности, но недоумение его отступило перед жалостью, равно и к испанцам, и к неграм, одинаково пострадавшим от нехватки воды и пищи; правда, долгие тяготы, как видно, выявили в неграх свойственные им дурные наклонности, одновременно лишив белых силы осуществлять над черными власть. И неудивительно. В армиях, флотах, городах и семьях — да и в самой природе — ничто так не подрывает порядок, как бедствие. Впрочем, капитан Делано допускал, что, будь Бенито Серено человеком более энергичным, всеобщий развал на его судне не достиг бы таких пределов. Но телесная и духовная немощь испанского капитана, то ли присущая ему от природы, то ли вызванная тяжкими лишениями, не могла не броситься в глаза. Как видно, обманчивые надежды слишком долго дразнили его, и теперь, жертва беспросветного отчаяния, он отвергал их, хотя они и перестали быть обманчивыми, и нисколько не воспрянул духом, несмотря на то что мог твердо рассчитывать еще к исходу дня, самое позднее к ночи, поставить судно на якорь и напоить своих людей, а рядом с ним был теперь другой капитан, протянувший ему руку помощи и сочувствия. Казалось, рассудок его расшатан, если не вконец расстроен. Запертый в этих дубовых стенах, двигаясь все время по одному унылому кругу власти и давно пресыщенный ее неограниченностью, он медленно расхаживал по шканцам, точно мизантроп-настоятель под сводами своего монастыря, то вдруг останавливаясь, вздрагивая или замирая с застывшим взглядом, кусая губы, кусая ногти, краснея, бледнея, теребя бороду, и видно было, что мысли его мрачны и чем-то неотступно заняты. Этот нездоровый дух обитал, как было сказано выше, в столь же нездоровом теле. Ростом довольно высокий, испанский капитан, вероятно, никогда не был особенно крепким, теперь же физические и нервные страдания превратили его в настоящий скелет. В последнее время у него, должно быть, проявилась прежде скрытая предрасположенность к легочным заболеваниям. У него был голос человека, наполовину лишившегося легких, сдавленный, сиплый полупшепот. Неудивительно поэтому, что, куда бы он ни направлял неверный шаг, за ним по пятам повсюду заботливо следовал негр-слуга, то протягивая ему для поддержки черную руку, то доставая из кармана изящный носовой платок. Все это — и многое другое — проделывалось с тем рвением и теплом, благодаря которым деятельность самая обыденная, служебная приобретает характер поистине родственной и которые повсеместно заслужили неграм славу лучших в мире слуг — слуг, которых хозяину нет нужды держать в строгости и на отдалении, а можно с ними быть запросто и накоротке; не столько слуг, сколько преданных товарищей.

Неприятно пораженный шумным беспорядком, царившим на палубе среди чернокожих, и явным неумением белых обуздать их, капитан Делано с человеколюбивым удовлетворением наблюдал безупречное поведение малорослого Бабо.

Но безупречность Бабо не более, чем распушенность всех остальных, казалась способной вывести полубезумного дона Бенито из его сумрачного оцепенения. Впрочем, испанский капитан тогда еще не представлялся американцу полубезумным, его странное состояние воспринималось до поры до времени лишь как бросающаяся в глаза деталь общей картины беды и беспорядка на судне. И все-таки капитан Делано был неприятно задет, как ему тогда показалось, недружелюбным безразличием испанца к нему. К тому же дон Бенито держался с

нескрываемым хмурым высокомерием, которое американский капитан, однако, великодушно приписал все тому же разрушительному воздействию болезни, так как по опыту прежних лет знал, что существуют своеобразные натуры, которых продолжительные физические страдания лишают всяких признаков интереса и доброты к ближним, словно, посаженные судьбой на черный хлеб несчастья, они считают только справедливым подвергать обидам и унижениям всякого, кто к ним приблизится, давая и ему вкусить от этой горечи.

Однако вскоре капитан Делано уже думал, что, как ни снисходителен был в своем отношении к дону Бенито, все же судил его слишком строго. Его обижала холодность испанца; но ведь столь же холоден он был со всеми, кроме разве своего слуги. Даже обычные судовые рапорты, с которыми к нему, по заведенному морскому порядку, через положенные промежутки времени являлся кто-нибудь из подчиненных (белый, негр или мулат), Бенито Серено выслушивал нехотя, с презрительным нетерпением. Так, наверное, вел себя его монарший соотечественник Карл V, перед тем как покинуть трон для отшельнической жизни.

Что пост капитана ему в тягость, заметно было по всему. Надменный и хмурый, он даже не снисходил до того, чтобы лично отдавать приказы, действуя во всем через своего черного телохранителя, который, в свою очередь, пересылал их по назначению через посыльных — испанцев или рабов, всегда наготове вившихся поблизости от дона Бенито, подобно пахам или рыбам-лоцманам. И человеку сухопутному никогда бы не пришло в голову, что этот болезненный и вялый аристократ, безмолвно скользящий по палубе в стороне от всего, облечен единоличной властью, выше которой во время плавания нет инстанции на этом свете.

Итак, испанец был, по-видимому, всего лишь жертвой собственной душевной болезни. Но, с другой стороны, могло статься, что он прибегает к такой манере сознательно. И в этом случае дон Бенито являл собой доведенное до предела воплощение скверного, но существующего у капитанов крупных судов обычая всегда держаться холодно и недоступно, не выказывая иначе, как в минуту крайней опасности, своей правящей воли, а заодно и вообще ни малейших признаков человечности, так что сам капитан уже становится как бы не живым существом, а скалой или, вернее, заряженной пушкой, которой, пока не придет пора метать громы, просто нечего сказать.

Если так, то вполне понятно, что, повинувшись долгой привычке к такому нечеловеческому поведению, испанский капитан и теперь, при настоящем состоянии судна, сохраняет все ту же надменную позу, быть может, безвредную или даже подходящую на хорошо оснащенном судне, каким «Сан-Доминик», вероятно, был при выходе в плавание, но теперь по меньшей мере неуместную. Возможно, испанец считал, что капитаны, как боги, во всех случаях жизни должны оставаться недоступны для смертных. А всего вернее, его сонное высокомерие — это не более как попытка скрыть собственное бессилие, не жизненное правило, а простая уловка. Как бы то ни было, но чем больше капитан Делано наблюдал нарочитую или невольную холодность дона Бенито ко всем и вся, тем меньше он чувствовал себя лично ею задетым.

Да и не один только капитан занимал его внимание. Шумная беспорядочная суতোлка на палубе многострадального «Сан-Доминика» не могла не оскорблять

взор американца, привыкшего к спокойной семейственной упорядоченности на своем зверобое. Здесь нарушалась не только матросская дисциплина, но подчас обыкновенная пристойность. Причиной этого, по мнению капитана Делано, было главным образом отсутствие вахтенных офицеров, которым на многолюдном корабле поручаются, наряду с более высокими обязанностями, и, так сказать, полицейские функции. Правда, седовласые щипальщики пакли с высоты по временам увещевали своих чернокожих соплеменников; но, укрощая одного или другого, пресекая отдельные стычки, они были бессильны установить на палубе в целом хоть какой-то порядок. «Сан-Доминик» был в положении большого трансатлантического эмигрантского судна, на борту которого среди его живого груза есть, без сомнения, немало люден тихих и безобидных, как тюки или ящики, однако такие мягкие люди ничего не могут сделать против своих буйных соседей, и тут нужна твердая рука помощника капитана. «Сан-Доминику», как и эмигрантским кораблям, нужны были строгие вахтенные офицеры. Но на его палубах не видно было даже и четвертого помощника капитана.

Гостю весьма любопытно было поподробнее узнать обстоятельства, приведшие к такому опустошению в командном составе и его последствиям; ибо хотя кое-какое общее представление о бедственном плавании «Сан-Доминика» у него и сложилось по жалобам и стенаниям обступивших его в первые минуты людей, однако подробности до сих пор оставались ему неизвестны. Об этом, без сомнения, лучше всех мог рассказать сам капитан. Правда, обращаться опять к неприветливому, надменному испанцу было неприятно. Однако капитан Делано все-таки собрался с духом и, подойдя к дону Бенито, еще раз выразил ему доброжелательное сочувствие, прибавив, что, если бы он (капитан Делано) лучше знал все несчастья «Сан-Доминика», его помощь, наверно, была бы действеннее. Быть может, дон Бенито любезно расскажет ему, что и как с ними произошло?

Дон Бенито вздрогнул; потом, словно разбуженный лунатик, посмотрел на своего гостя бессмысленным, пустым взглядом; и наконец потупился. В этой позе он и остался стоять, не поднимая головы, так что в конце концов капитан Делано, в свою очередь, сильно смутившись, вынужден был поступить столь же невежливо: повернуться к испанцу спиной и уйти, в надежде, что удастся расспросить кого-нибудь из белых матросов. Но он не сделал и пяти шагов, как дон Бенито взволнованным голосом окликнул его, извинился за свою минутную рассеянность и сказал, что готов удовлетворить его интерес.

Почти во все время последовавшего рассказа капитаны стояли на шканцах вдвоем, не считая слуги, и никто не мешал их разговору.

— Вот уже сто девяносто дней, — начал испанец своим сиплым шепотом, — как этот корабль с полным составом команды и судовых офицеров и с несколькими каютными пассажирами, всего числом около пятидесяти человек, отплыл из Буэнос-Айреса в Лиму, имея на борту разнообразный груз: парагвайский чай и прочее, а также, — он сделал жест в направлении полубака, — вот этих негров, из которых теперь осталось, как вы можете видеть, едва ли сто пятьдесят, а в то время было более трехсот душ. У мыса Горн нас настиг шторм. Во время этого шторма я за одно мгновение лишился сразу трех своих лучших помощников и пятнадцати матросов, их всех снесло за борт вместе с грота-реем, который вдруг обломился под ними, когда они пытались обить шестью обледенелый парус. Чтобы облегчить корпус, за борт были выкинуты наиболее тяжелые тюки с мате,

а также почти все бочонки с пресной водой, которые были принайтовлены к палубе. И это последнее вынужденное действие послужило причиной наших бедствий, когда на смену штормам пришел затяжной штиль. Когда...

Но здесь его прервал припадок мучительного кашля, вызванный, несомненно, душевными страданиями. Черный слуга обхватил дону Бенито, не давая ему упасть, и, вытащив из кармана флакон с лекарством, прижал к губам хозяина. Тот немного пришел в себя. Но черный слуга, боясь, как бы капитан не упал, по-прежнему обнимал его одной рукой и не отводил от его лица встревоженного взгляда, ища на нем знаков улучшения или ухудшения.

Испанец же продолжал свой рассказ, но теперь отрывисто и невнятно, точно во сне:

— О, боже мой! Чем пережить то, что я пережил, с радостью приветствовал бы я жесточайший шторм! Но...

Тут его снова прервал припадок удушающего кашля, и он, обессиленный, с окрасившимися кровью губами и закрытыми глазами, упал на руки своего телохранителя.

— Хозяин заговаривается. Он думал о чуме, которая разразилась у нас после шторма, — с жалобным вздохом пояснил слуга. — Бедный, бедный хозяин! — Одну руку он прижал к сердцу, а другой отер большому губы. — Но будьте терпеливы, капитан, — вновь обратился он к капитану Делано, — Эти припадки длятся недолго; хозяин скоро придет в себя.

Дон Бенито действительно оправился и продолжал свое повествование; но так как вел он его урывками, по частям, здесь будет передана лишь суть этого рассказа.

Итак, «Сан-Доминик» сначала много дней носило штормом за мысом Горн, а после этого на борту началась цинга, от которой умерло много белых и негров. К тому времени, когда они наконец обогнули мыс Горн и вышли в Тихий океан, их паруса и рангоут были в самом жалком состоянии и оставшиеся в живых члены команды, из которых многие были измождены болезнью, оказались не в силах вести судно на север курсом бейдевинд при сильном юго-восточном ветре, так что, почти не управляемое, его несколько дней и ночей сносило к северо-западу, пока наконец ветер вдруг не стих, оставив «Сан-Доминик» штилевать в неведомых тропических водах. И тут-то отсутствие на палубе бочек с пресной водой оказалось столь же губительным, как прежде их наличие. Вслед за цингой пришла злокачественная лихорадка, вызванная или, во всяком случае, отягощенная недостатком воды, а страшный зной быстро довершил ее дело, унеся за борт, подобно штормовой волне, целые семьи африканцев и пропорционально еще гораздо больше испанцев, в том числе, по несчастной игре случайностей, всех судовых офицеров. Вот почему, когда подул наконец свежий западный ветер, паруса пришлось просто-напросто отвязывать, а не крепить к реям, отчего они быстро пришли в полную ветхость и висели теперь, как нищенское отрепье. Чтобы возместить потери в экипаже и пополнить запасы воды и парусины, капитан при первой же возможности взял курс на Вальдивию, самый южный цивилизованный порт Чили и всей Южной Америки; но при их подходе к берегу снова разыгралась непогода, и они не смогли даже издали увидеть желанную гавань. С тех пор, почти без команды, почти без парусов и воды, по-прежнему то и дело отдавая морю своих мертвецов, «Сан-Доминик» носился, подобно волану,